

ПЕНЗЕНСКОЕ БУТОВО

На сегодня мы не имеем никаких общих документов о проведении «приказа смерти» в Пензенском крае. Исключением являются лишь выдержки из следственных дел осужденных, полученные из архивов ФСБ или справки о реабилитации, полученные от родственников пострадавших. При анализе и статистической обработке этих документов можно сделать следующие выводы и заключения. В 1937–1939 гг. на территории современной Пензенской области преступную деятельность вели сразу четыре тройки УНКВД – по Куйбышевской, Тамбовской, Саратовской и Воронежской областям, что связано с административно-террито-

риальным делением края. В общей сложности пик работы троек пришелся на период с ноября 1937 по март 1938 г., когда было вынесено и приведено в исполнение большинство смертных приговоров. Среди них саратовской тройкой большинство приговоров (десятки человек) было вынесено 29 ноября 1937 года, а наибольшее количество расстрелов произведено 9 декабря 1937 года. Наибольшее количество приговоров тамбовской тройкой было подписано 13 февраля 1938 года, а наибольшее количество расстрелов отмечено ровно через месяц, 13 марта 1938 года. Деятельность тройки УНКВД по Тамбовской области была самой продолжительной и кровопролитной.

Существуют и еще некоторые свидетельства о работе НКВД в годы большого террора, это рассказы пензяков – местных жителей, старожилов города. И хотя, по известной поговорке, слова к делу не пришьешь, но некоторые рассказы не лишены интереса и могут стать отправной точкой для дальнейших исследований. Житель кордона Сурка Иван Осипович Кистин, 1930 г. р. рассказывал, что расстрелы политических заключенных происходили в районе озера Калашный Затон, где ныне находится поселок Сосновка. «Поселка раньше не существовало, это был медвежий угол, – говорит Иван Осипович. – Когда я был еще мальчишкой, наша семья жила неподалеку от тех мест. Тогда отец и дед рассказывали, что в 30-е годы на Калашный Затон по ночам на грузовиках привозили осужденных. Были слышны выстрелы. Ямы копали сами заключенные, хоронили на глубину полметра. Позднее в тех местах брали песок на строительные нужды, при этом попадались черепа, кости, целые скелеты, кожаные сапоги». На вопрос, где именно происходили захоронения, был получен ответ: «Там, где сейчас сосенки, в песчаной горе, на берегу озера. Сосенок там раньше вообще не было, их потом посадили».

Жительница села Сосновка Анна Яковлевна Соловьева, 1915 года рождения, рассказала примерно то же самое. Она и сейчас живет в доме, который является современником тех далеких событий. О том, что у них под боком ночами расстреливали, знали все, кто там жил. Анна Яковлевна лично слышала выстрелы, а ее родственник, ныне покойный Василий Григорьевич Соловьев, живший в одном доме за стенкой, даже бегал наутро снимать с убитых сапоги.

Житель села Сосновка Павел Иванович Силяев, 1926 года рождения утвердительно сказал, что в 30-е года расстрелы здесь были и указал место. «Насчет того были ли расстрелы в сосенках,

сказать не могу, – говорит Павел Иванович, – а то, что расстреливали по эту сторону дороги, на месте этих домов, это точно, (он показал на два дома, стоящих у дороги). Здесь был курган, – продолжает Павел Иванович, – брали песок, находили целые скелеты, сапоги. Потом курган срыли, и все использовали на строительство шоссе».

Так почти все опрошенные единогласно утверждают, что расстрелы в Сосновке действительно были. На вопрос одной пожилой женщине, где происходили расстрелы, был получен ответ: «Да здесь сплошь», – и она показала на дорогу, сосны и автобусную остановку «Сосновка».

Местные жители как места расстрелов называют и другие объекты, например, овраг «Студеный» в тех же Ахунах, район Сельскохозяйственной академии.

Жительница района Ахуны Полина Ивановна Шеварева, 1935 г. р. со слов своей, ныне покойной, знакомой передала следующее. Однажды эта женщина, имя которой теперь неизвестно, «будучи еще девушкой, пошла в Ахунский лес за грибами и зашла необыкновенно далеко. В глухом месте она обнаружила землянку, из которой показался человек уже старческого возраста, в ветхой арестантской одежде. Этот человек, взяв с девушки обещание никому не рассказывать об их встрече, поведал, что его еще до войны с партией духовенства привезли в Ахуны на расстрел. Все были убиты, а он тогда чудом остался жив, скрывшись в лесной глуши. Незнакомец строго запретил девочке приходить к нему в то место, но договорились, что она будет носить ему еду и оставлять в условленном месте, на опушке. Когда они стали расставаться, незнакомец открыл свое имя, назвавшись епископом Антонием. Какое-то время в указанное место девушка носила еду, забирать которую приходил волк. Она вешала узелки ему на спину, и он все относил епископу. Так продолжалось некоторое время, но затем все прекратилось».

Таким образом, из всех рассказов явствует, что расстрелы на месте Сосновки и в Ахунах действительно происходили. Вопрос только в том, кого расстреливали, когда именно и где точно. Пока мы не имеем ни документальных подтверждений, ни вещественных доказательств массовых казней в этом районе.

Давно идет речь об ахунских торфяниках, куда на тяжелые работы в 20-е – 30-е годы отправляли священство, мирян и всех неугодных советской власти. Многие из них были убиты или умерли на торфяных разработках. История торфяников восходит

к началу работы бумажной фабрики Сергеева, переименованной в «Маяк революции». Торф добывался не только в Ахунах, его месторождения тянулись до Селиксы и далее вдоль полотна Сызрано-Вяземской железной дороги. Однако в советские годы именно в районе Ахун существовали трудовые лагеря, о стахановской работе которых периодически появлялись заметки на страницах пензенских газет.

На ахунских торфоразработках в 30-е годы отбывал наказание известный пензенский священник Андрей Павлович Кипарисов. Лагерь находился по пути в Ахуны и был виден с дороги, можно было разглядеть людей, занятых работой. Дочь о. Андрея Вера часто носила отцу передачи. Андрею Павловичу удалось освободиться и умереть своей смертью в 1943 году.

Приведенные сведения говорят о необходимости возведения в тех местах храма или часовни в честь новомучеников и исповедников Российских по примеру других епархий. Несомненно, что поиски доказательств массовых казней в районе села Сосновка и Ахун нужно продолжить, но следует иметь в виду, что таковых можно не обнаружить, несмотря на все усилия. Их может открыть сам Господь молитвами за Христа пострадавших, прославлять и поминать которых необходимо сейчас.

В настоящий момент число жертв пострадавших за веру и Церковь на территории Пензенской области в 1937–1938 гг. остается неизвестным. Что касается лиц II категории, т. е. сосланных в лагеря и заключенных в тюрьмы, то их число по неопубликованным данным составляет не менее 1500 человек. К сожалению, нам неизвестно и точное число тех, кто в годы большого террора был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян (I категория).

В книге зарубежных исследователей М. Юнге и Р. Биннера «Как террор стал «Большим» по соседним с Пензенской областью регионам приведены следующие цифры: по Мордовии разнарядка на расстрелы составила 300 чел., на II категорию – 1500 чел.; по Куйбышевскому краю: на I категорию – 1000 чел., на II – 4000 чел.; по Саратовской области: на I категорию – 1000 чел., на II – 2000 чел.; по Горьковской области: на I категорию – 1000 чел., на II – 3500 чел.; по Чувашии: на I категорию – 300 чел., на II – 1500 чел. Исходя из этих данных, можно предположить, что на территории современной Пензенской области в период большого террора только за веру было расстреляно не менее 300 страдальцев, среди которых епископы, священники, монашеству-

ющие, миряне. Всего же на территории Пензенской области в 30-е годы по решениям внесудебных органов, по приговорам судов и военных трибуналов к уголовной ответственности необоснованно были привлечены 24000 граждан, из которых 2667 человек были расстреляны¹⁵⁶.

В результате 20-летних гонений на Русскую Православную Церковь, христианское наследие претерпело необратимые изменения, которые тяжким бременем неверия легли на последующие поколения русского народа. В Пензенской епархии были осквернены или разрушены, без исключения, все храмы и монастыри – памятники архитектуры, истории, духовности. Исчезли шедевры иконописи, живописи, духовной литературы, колоколотейного искусства, труды монахинь-златошвеек, исчезли почти все чудотворные и особо почитаемые иконы. Прекратили свое существование такие семинарские фамилии, как Алмазовы, Артоболевские, Архангельские, Беневоленские, Веденяпины, Венценосцевы, Virtuозовы, Владыкины, Востоковы, Геликоновы, Геродотовы, Гомеровы, Голубинские, Державины, Дилигентовы, Дижоновы, Диамидовы, Доброхотовы, Ильминские, Иссинские, Кавендровы, Кадышевские, Каменские, Кипарисовы, Коронатовы, Корсаевские, Лентовские, Масловские, Наровчатские, Небосклоновы, Орнатские, Пенские, Покровские, Померанцевы, Преображенские, Прудентовы, Пульхритудовы, Сацердотовы, Студенские, Туберозовы, Фемистокловы, Ягодинские, Яхонтовы и другие. Многие из них были репрессированы, кто-то уехал в другие регионы России или за рубеж, кому-то пришлось сменить фамилию. Это были лучшие люди губернии – представители духовенства, дворянства, видные деятели культуры и медицины. Они были громким именем, доброй славой и украшением Пензенской земли.

К сожалению, бесчеловечные методы допросов в застенках НКВД не всех оставили верными Святой Матери-Церкви. К свидетельству против своих сослуживцев сотрудники НКВД склонили архиепископа Куйбышевского Ириней (Шульмина). Епископ Ириней с 26 апреля 1934 управлял вверенной ему Пензенской епархией, а 8 мая 1935 года после возведения в сан архиепископа был назначен краевым Куйбышевским архиереем. По данным самарского исследователя А. Е. Жоголева¹⁵⁷, показания архиепископа Ириней многих священников отправили на смерть, а 8 февраля 1938 года был расстрелян и сам Владыка. Историк В. Якунин так пишет о терроре в соседнем Куйбышеве: «В ночь на 25 ноября 1937 г. было арестовано почти все самарское духо-

венство. Никто из задержанных уже не вернулся. Расстреливали священно- и церковнослужителей по группам – в разное время и в разных местах. «Акция» эта проходила совершенно открыто у всех на глазах».

Таковы стахановские достижения советской инквизиции.

Только с 15 сентября 1938 машина убийств начала сбавлять свои обороты, которые, впрочем, по инерции продолжались еще десять лет. Сам же репрессивный аппарат не переставал совершенствовать свою структуру и действия. В 1940 году под пересыльную тюрьму власти облюбовали старейшую в городе Воскресенскую церковь*. Об организации работы этого узилища стало известно из воспоминаний сидевшего там Бориса Ивановича Жулябина и сведений, собранных протоиереем Николаем

Пересыльная тюрьма

Тищенко. Как тюрьма и пересыльный пункт здание церкви имело все условия: относительно безлюдное месторасположение, непосредственная близость железнодорожного полотна и удоб-

* Находится по правую сторону от железной дороги, перед мостом через Суру, если ехать от ст. Пенза I на Самару.

ное сообщение с Пензенским домзаком* и городскими коммуникациями. Сначала при помощи паровоза у храма сломали колокольню, затем разобрали стоящие рядом церковные постройки, кирпич от которых пошел на строительство тюремных камер. В левом приделе устроили мужские камеры, в правом – женские. В каждой камере имелись трехъярусные нары, так что одновременно в здании тюрьмы могло содержаться по 500–700 человек. Алтарную часть приспособили под карцеры, куда на сутки и более закрывали провинившихся узников. Цементный пол карцеров, залитый водой, не позволял сидеть, а прикрученные к стене нары откидывались только ночью, поэтому человек был вынужден большую часть времени простаивать по щиколотку в воде. На втором этаже разместилась швейная мастерская, где заключенные для своих же сокамерников готовили фуфайки и рабочую одежду. Среди арестантов, которые, безусловно, подвергались издевательствам и пыткам, были духовенство и верующие. Человеческие останки, найденные вокруг церкви при земляных работах, а также в грунте самой церкви, свидетельствуют о смерти людей на территории тюрьмы (кладбища при Воскресенской церкви никогда не было). Более того, вдоль рельсов тянулся ров, в который, предположительно, сбрасывали тела казненных и умерших узников. Более двух недель заключенные в тюрьме не задерживались, дождавшись эшелона, они отправлялись в дальнейший скорбный путь**.